

С КЕМ ПРИМИРЯТЬСЯ?

Юра, это просто поразительно, какие ужинные экзерсисы ты предпринимаешь, лишь бы не дать хоть один мало-мальски конкретный ответ на мои отрицания и вопросы в двух моих ответах на твою позорную писанину. Ни в первом, ни во втором. Сказать нечего? Боишься? Злобствуешь? Случайно ли ты "не заметил" даже моего последнего вопроса по поводу написания тобой слова "рейх"? Ты ж лингвист, военный переводчик по образованию, должен элементарную грамоту знать, а тут такой ляп...

Теперь в отношении твоего верноподданического опуса: мне глубоко безразлично частное мнение граждан Лебедева и Путина. Потому что я не считаю своё частное мнение менее весомым. Потому что, в отличие от вас, я погоны раньше срока в угоду политической конъюнктуры не снимал, с армией расстался по естественным (а не противоестественным) причинам, дослужился до звания полковника. А не подполковника, как упомянутые лица. И уже лет через 10 после перестройки в очередной раз послужил там, где и на минные поля приходилось попадать, и под обстрелами побывать, и под прицелом постоять. Мне недосуг было заниматься "демократическими процессами" и акциями центра "Примирение", мне Родине надо было служить.

Что касается ненависти к фашистам. Вот скажи мне, ты в Европу ездил? Если ездил, заезжал ли ты в Освенцим, Равенсбрюк, Майданек, Заксенхаузен, Гросс-Розен, Бухенвальд? Ну, хорошо, жалко было командировочные на такие никчёмные поездки тратить, пиво с сосисками актуальнее, но хотя бы в Саласпилсе на тогда ещё советской территории ты побывал? А в Бабьем яре? Опять не будет никакого ответа? А почему? А я вот побывал во всех этих местах, кое-где ещё школьником, но безо всяких экскурсий, кое-где уже взрослым человеком. Поэтому не говори мне и никому больше о примирении и ненависти. С кем примиряться? С нынешними поколениями? Так они не воевали, какая может быть к ним ненависть? С воевавшими на нашей территории против нашего народа? А какое может быть с ними примирение после всего, что они натворили?

Ты говоришь и кто-то там ещё, что нацисты и немецкие солдаты это разные люди. Какая интересная мысль! А приказы Кейтеля вермахту (не СС!) ты читал? Ну ты ж, типа, историк? Про материалы Нюрнберга я уже больше не спрашиваю. Два раза спрашивал, два раза ты воды в рот набрал, чего спрашивать-то? И так всё ясно уже. Но там ниже кое-какие выдержки из материалов я всё-таки привёл, а вдруг прочитаешь? А ещё я привёл выдержки уже из наших следственных и судебных материалов, в архивах всё есть. Читал? Если нет, то почему? Ну ты ж, типа, историк? Ну так почитай, это полезно и поучительно, не даёт мозгам паутиной зарастать и терять совесть.

Ещё раз скажу, у меня отец прошёл всю войну, дядя воевал, дед стал инвалидом на фронте, простым солдатом воевал, второй дед на каторге в Германии был, бабушка оккупацию пережила, мать девчонкой ещё на железной дороге надрывалась, на лесозаводе, потом в Горьком на авиазаводе на станке работала по две смены под бомбёжками, ворота в цеху взрывной волной вышибало, стёкол в рамах не было даже зимой. Отец во время рейдов в немецкий тыл такого насмотрелся, что на эту тему почти и не разговаривать-то его было, а ты мне про ненависть и примирение? Совесть-то есть или нет? Не надоело нести всякую чушь? Про работяг, которых гнали на фронт? Неужели ты думаешь, что мои предки меньше про это знают, чем кто-то там? В перечисленных мною концлагерях уничтожались, в т. ч., и те, кто посчитал, что воевать в вермахте это против совести. Разве ты не знал об этом? Ну ты ж, типа, историк?

** В тексте сохранены стиль, орфография и пунктуация автора*

А вот читал ли ты вышедшую в ФРГ не так давно книгу "Солдаты"? Журнал "Spiegel", например, писал, что "Солдаты" окончательно похоронили миф о незапятнанном вермахте ("Мы исполняли приказ. Жгли СС - мы воевали"). Отсюда и подзаголовок: "О том, как сражались, убивали и умирали" ("Protokollen vom Kaempfen, Toeten und Sterben"). Оказалось, что бессмысленные убийства, пытки, изнасилования, издевательства не были прерогативой айнцагрупп, а являлись обыденностью для немецкой армии. Военнопленные вермахта вспоминали о совершенных преступлениях как о чем-то само собой разумеющемся, более того, многие бравировали военными "подвигами", а уж раскаянием и угрызениями совести никто особенно и не мучился.

Если нет, так почитай, полезно будет и поучительно.

У меня не так много времени, чтобы тратить его на вправление мозгов и банальное перевоспитание, я работаю. Поэтому далее привожу выдержки из документов, включая трибунальские, там всё достаточно информативно, помогает самообразованию. А потом можешь нам рассказать про примирение с "невиноватыми работягами" ещё раз.

Кстати, не обольщайся особо так по поводу возложения венков Путиным к могиле Маннергейма. Военному переводчику должно быть известно, что этот ритуал в Финляндии входит в перечень государственного протокола и не зависит от пожеланий или предпочтений. Тут или визит и возложение, или никак. А государственные дела делать надо. Так что, не всё так просто.

Кстати, текст Присяги, которую мы принимали, не забыл ещё? Помнишь, что там написано в последнем предложении? Ты перечитывай время от времени, помогает.

Вот материалы по военнослужащим 45-й пехотной дивизии вермахта, просто для примера:

Управлениями МВД Ивановской и Горьковской областей и МВД Белорусской ССР ведется следствие по делам участников зверств, служивших в этой дивизии.

Материалами следствия установлено, что личным составом дивизии в период ее нахождения с июля 1941 по июль 1944 г. на временно оккупированной территории СССР в гг. Брест-Литовск, Пинск, Гомель, Прилуки, Киев, Воронеж, Елец, Ливны, Рыльск, Конотоп, Комаричи, Глухов, Орел,

Карачев, Брянск, а затем снова Гомель, Речица и Бобруйск и на всем пути ее следования производились расстрелы, повешения, сожжение живьем советским граждан (мужчин, женщин и детей), угон населения в немецкое рабство, разграбление имущества, уничтожение населенных пунктов. Допрошенный оперативным отделом лагеря № 117 (Горьковская обл.) бывший командир жандармской группы дивизии военнопленный австриец Видер-ман Франц показал: «В 1941 г. в районе г. Елец я со своей частью принимал участие в сожжении деревни, а жителей ее загонял в здание школы для уничтожения.

...

Допрошенный в УМВД Ивановской обл. военнопленный австриец обер-ефрейтор штабной роты 135-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии Мецл Франц дал показания о том, что в середине октября 1941 г. при конвоировании советских военнопленных из г. Рыльска в г. Глухов он принимал участие в расстреле 20 военнопленных. Осенью 1941 г., будучи в охране, он расстрелял 10 тяжелобольных советских военнопленных. В октябре 1941 г. в г. Конотопе по приказу командования 135-го полка на площади было повешено 5 жителей города по подозрению их в связях партизанами.

...

В декабре 1941 г. в 25 км западнее г. Елец участвовал в расстреле 100 военнопленных. Лично Мецл расстрелял 30 чел. Тогда же в районе г. Елец он участвовал в сожжении 30 населенных пунктов. Летом 1943 г. в районе г. Орла при участии Мецла было сожжено 12 населенных пунктов: Александровка, Большое Кречино, Малое Кречино и др. При отступлении в районах городов Карачева и Брянска при непосредственном его участии сожжено около 25 населенных пунктов.

Начальник 1-го отдела ОУ ГУПВИ МВД СССР полковник БЕЛОВ
Архив ИЦ УМВД Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 343. Л. 123-129. Подлинник.

А это выдержки из материалов Нюрнбергского процесса:

КАКИМИ ДОКУМЕНТАМИ РЕГЛАМЕНТИРОВАЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ ВЕРМАХТА К МИРНОМУ НАСЕЛЕНИЮ?

На Нюрнбергском процессе полковник Тэйлор (Великобритания) впервые официально представил документ (С-50) - приказ генерал-фельдмаршала, начальника верховного командования вермахта Кейтеля от 13 мая 1941 г. о военной подсудности, ограничивавшего уголовное преследование немецких солдат за безжалостные действия при проведении кампании «Барбаросса». В этом отношении весьма красноречивы следующие пункты приказа: П. 1. За действия, совершенные служащими вермахта и его сторонниками против вражеских лиц, не существует необходимость преследования даже тогда, когда их действия являются одновременно военным преступлением... 2. ...Судья предписывает наказание за действия против местного населения в военно-судебном порядке только тогда, когда этого требует сохранение дисциплины и безопасности действующей армии» (1).

К документу прикладывались и другие (С-51, ВБ-162) - приказ Кейтеля от 27 июня 1941 г. относительно работы с секретными материалами, требовавшего уничтожения управлениями всех инстанций до штаба корпуса включительно всех копий приказа фюрера от 13 мая. Однако сам приказ оставался в силе, независимо от уничтожения его копий.

Приведу ещё один документ - «Дополнение к директиве 33», подписанный Кейтелем 23 июля 1941 г., т. е. через месяц после начала войны. В нем говорилось о том, что после доклада верховного командования сухопутных сил фюрер 22 июля сделал ряд дополнений к директиве 33, в том числе следующее: «...6) Частям, назначенным для охраны оккупированных восточных районов, ввиду их обширности следует подавлять сопротивление гражданского населения не методом юридического наказания преступников, а путём запугивания с тем, чтобы отбить у него всякую охоту продолжать борьбу... Для поддержания порядка командующие не должны требовать подкреплений, а применять самые драконовские меры» (2).

Если исходить из показаний председателя военного трибунала 267-й немецкой пехотной дивизии капитана Юлиуса Райха, предъявленных на Нюрнбергском процессе, то все эти приказы 1941 г. и прежде всего приказ от 13 мая 1941 г., были хорошо усвоены в вермахте. За действия, чинимые над советскими гражданами, солдат не разрешалось предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера, офицер немецкой части имел более широкие права и мог истреблять русское население по своему усмотрению. Командиру предоставлялось полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения

продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Этот приказ Гитлера был доведен до сведения рядового состава вермахта за день до нападения на Советский Союз (3).

Подтверждает данный факт и материалы допроса на Нюрнбергском процессе 7 января 1946 г. обергруппенфюрера Е. Бах-Зелевского. На вопрос, существовали ли какие-нибудь принципы о линии поведения по отношению к мирному населению и партизанам, он ответил, что нет, что отсутствие прямых указаний открывало широкое поле для произвола со стороны любого командира части, который имел право отнести к категории партизан любого человека и

поступать с ним как с партизаном. На другой принципиальный вопрос о том, знало ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением, направленных на истребление еврейского и славянского населения, свидетель ответил коротко: «Знало» (4). Более того, как показал на допросе обер-ефрейтор 2-го авиапехотного полка 4-й авиапехотной дивизии Ле-Курте: «Германское командование всячески поощряло расстрелы и убийства советских граждан. За хорошую работу и службу в немецкой армии, выразившуюся в том, что расстреливал военнопленных и советских граждан, мне досрочно, 1 ноября 1941 года, присвоили звание обер-ефрейтора, которое мне должны были присвоить в ноябре 1941 года, наградили «Восточной медалью» (5),

Однако приказами 1941 года дело не ограничилось. Уже в декабре 1941 г. стало очевидно, что «Блицкриг» провалился, наступательные операции на Москву прерваны. Для некоторых военных историков, таких как Бартов, именно с этого момента характер военных действий изменился и воинские части вермахта стали «идеологически мотивированным инструментом преступного режима, а война приняла варварский характер» (6). С фиксацией перехода к новому качеству войны нельзя не согласиться. Но это не значит, конечно, что до этого момента война и действия вермахта были неварварскими.

В 1942 г. гитлеровское руководство сочло необходимым в форме резкой директивы, не допускавшей исключения, вновь подтвердить, что совершенно безнаказанными должны оставаться любые преступления военнослужащих, совершенные в отношении мирных жителей. Имеется в виду директива, подписанная Кейтелем 16 декабря 1942 г. «Борьба с бандами», в которой говорилось следующее: «Фюрер располагает данными, что отдельные военнослужащие германской армии, участвовавшие в борьбе против банд, за своё поведение в бою были привлечены в последующем к ответственности». В связи с этим фюрер приказал: «... Если борьба против банд... на Востоке... не будет вестись самыми жестокими средствами, то в ближайшее время имеющиеся в распоряжении силы окажутся недостаточными, чтобы искоренить эту чуму. Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства, без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху» (7).

КАКИЕ ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВЕРМАХТА ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ФИКСИРУЮТ ДОКУМЕНТЫ?

На Нюрнбергском процессе среди множества обвинений рассматривалась нота Народного комиссариата иностранных дел СССР от 6 января 1942 г., документально подтверждавшая использование гражданского населения в ходе военных действий. Соединения и части вермахта прикрывали боевые порядки своих войск как при наступлении, так и при отступлении мирными жителями, преимущественно женщинами, стариками и детьми. В частности, 28 августа 1941 г. при переправе через реку Ипуть немецкие солдаты, будучи бессильны преодолеть стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население белорусского города Добруш Гомельской области и под страхом расстрела погнали вперёд себя женщин, детей и стариков, за которыми, открывая свои боевые порядки, пошли в наступление (8).

В Тульской области 8 декабря того же года гитлеровцы прикрывали своё отступление из деревни Ямное гражданами из местного населения. 12 декабря в том же районе они собрали 120 человек стариков и детей и пустили их впереди своих войск во время боев с наступающими частями Красной Армии (9). Такие же случаи были зафиксированы под Ростовом, в Ленинградской, Смоленской,

Калининской областях. Случаи использования мирных жителей перед наступающими частями неоднократно наблюдались и в Сталинграде в октябре 1942 г. (10). В нарушение всех международных конвенций мирное население использовалось и на особо опасных работах - по разминированию участков.

По мере роста людских потерь германской армии, и особенно после её тяжёлых поражений зимой 1942-1943 гг., широкие размеры приобрела насильственная мобилизация мирного населения оккупированных областей для формируемых антисоветских частей. В прифронтовой полосе фронта немцы мобилизовали поголовно всех мужчин, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезенных на работу в Германию. После же провозглашения в Германии «тотальной мобилизации» оккупационные власти начали всеобщее привлечение населения к военной службе или к трудовой повинности не только в прифронтовых, но и во всех остальных оккупированных областях. К скрывающимся от мобилизации применялись всяческие репрессии вплоть до расстрела. Однако, несмотря на это, многие уходили в леса и вступали в партизанские отряды (11).

Другой момент, связанный с военными действиями, и о котором также надо говорить, - это то, что в районах активных партизанских действий мирное сельское население в силу безжалостных законов войны нередко оказывалось в самом центре развернувшихся боев и становилось невольной жертвой огня с обеих сторон. Озлобленные безуспешным исходом очередной карательной операции против партизан, гитлеровцы всю ярость безудержного гнева обрушивали на мирных жителей. Поводом для репрессий в то же время служили малозначительные боевые акции и диверсии партизан вблизи населенных пунктов. Так в ноябре 1941 г. в деревне Успенка Черниговской области партизанскими разведчиками был ранен немецкий солдат. Наутро гитлеровцы расстреляли несколько жителей и забрали 75 жителей в качестве заложников. В деревне Кутейково партизаны перерезали в двух местах телефонные провода, что можно было бы

сделать и на значительном удалении от населенного пункта. На следующий день немцы сожгли несколько домов, а проживавших в них колхозников расстреляли. В селе Троицкое была сожжена порожняя автомашина, а находившийся рядом склад с боеприпасами оказался нетронутым. И опять последовала расправа над мирным населением. Малоэффективная тактика «мелких укулов» партизан вблизи населенных пунктов оплачивалась большой кровью стариков, женщин и детей (12).

В число злодеяний вермахта на советской территории вошли расстрелы мирных жителей и уничтожение их жилищ. Отступая в январе 1942 г. из села Мясоедово Белгородского района, немецкие части сожгли все село до единого дома, а население насильно угнали с собой. В донесении для Совинформбюро сообщалось: «24 января 8 женщин этого села, 60-летняя А.

Русанова, 17-летняя Е. Кондратьева, 18-летняя З. Лупандина, М. Специвцева - мать троих детей, М. Мурзаева - мать двоих детей, А. Кондратьева и 15-летний подросток Н. Лупандин решили пройти в родное село. По дороге женщины были встречены немецкой разведкой в количестве 20 человек. Фашистские мерзавцы схватили беззащитных женщин, сняли со всех валенки и сапоги, отвели их на другой конец села к погребу, поставили всех на колени и поочерёдно расстреляли всех» (13).

В июне того же года при наступлении немецких частей население Большой Берёзки Брянской области спряталось в лесу. Им было приказано вернуться в село и дальше случилось следующее: «150 стариков, женщин и детей возвратились домой. После этого согнали их в колхозные амбары, перекололи всех штыками и перебили прикладами. 11 детей в возрасте 12-13 лет закопали живыми в землю». В той же области 23 июля в 7 часов утра немецкие войска вместе с полицейскими в количестве 1500 человек напали на село, где находились партизаны. Бой длился до 21 часа. Партизаны отошли в лес, после чего немцы разрушили село - из 542 сожгли 529 домов, 3 школы, 3 бани, больницу и детский сад (14).

На Нюрнбергском процессе была предъявлена выписка из протокола судебного заседания военного трибунала 374-й стрелковой Любанской дивизии от 29 ноября 1944 г. Речь шла об уже упоминавшемся обвиняемом Ле-Курте, преданном военно-полевому суду. Это был не эсэсовец, а ординарный беспартийный обер-ефрейтор вермахта, 27 лет. Он родился и проживал до войны в г. Штрафгарте, являлся владельцем кинотеатра, а затем был призван в армию. Военную службу проходил в 1-й роте 4-й авиапехотной дивизии. По существу дела Ле-Курте показал: «До пленения меня войсками Красной Армии, то есть до 4 февраля 1944 г., я служил в 1-й самокатной роте 2-го авиапехотной дивизии при комендатуре аэродромного обеспечения. Кроме фотоснимков, я выполнял и другие работы в свободное от работы время, ради своего интереса, расстрелом военнопленных бойцов Красной Армии и мирных граждан... В ноябре 1942 года я принимал участие в расстреле 92 граждан. С апреля я принимал участие в расстреле 55 человек советских граждан, я их расстрелял... Кроме этого, я ещё участвовал в карательных экспедициях, где занимался поджогом домов. Всего мной было сожжено более 30 домов в разных деревнях. Я в составе карательной экспедиции приходил в деревню, заходил в дома и предупреждал население, чтобы из домов никто не выходил,

дома будем жечь. Я поджигал дома, а если кто пытался спастись из домов, никто не выпускался из дома, я их загонял обратно в дом или расстреливал. Таким образом, мною было сожжено более 30 домов и 70 человек мирного населения, в основном старики, женщины, дети...» (15).

Подобные свидетельства мы находим в показаниях пленного обер-ефрейтора 2-й роты 9-й танковой дивизии Арно Швагера: «При отступлении из Курска... мы получили приказ все оставляемые нами пункты сжигать. Если городское население отказывалось оставлять свои дома, то таких жителей запирали и сжигали вместе с домами...» (16).

Одним из самых распространенных преступлений вермахта являлся повсеместный грабёж мирного населения. Не

случайно сложилось понятие по отношению к солдатам действующей армии - «грабь-солдаты немецкой армии». Документы полны свидетельств самых разных проявлений грабежа. Генрих Краузе, солдат 9-й роты 377 пехотного полка 225 пехотной дивизии рассказывал: «Я жил в Сенной Керести, дом 120. Неделю тому назад по деревне проходил сбор тёплых вещей насильственным путем. Каждый дом должен был сдать пару валенок. В доме 120 семья состояла из 10 человек, валенки они уже сдали и хозяйка получила квитанцию. Однажды в дом пришли два унтер-офицера и потребовали ещё одну пару валенок. Так как валенок они больше не имели, хозяйка заявила об этом и показала квитанцию, но они не обратили внимания на это и начали избивать её. Я был очень возмущен этим, но заступиться не имел права, так как на следующий день был бы расстрелян за помощь населению» (17).

Уже цитируемый обер-ефрейтор Арно Швагер при допросе показал, что в сентябре 1942 г. их дивизия остановилась на отдых в Никольском под Курском. Из расположения дивизии посылались отряды по реквизиции в окружающие деревни, чтобы забирать у населения коров, телят, овец, кур, мед: «Население плакало и умоляло, а женщины и дети бросались солдатам в ноги. Солдаты били их прикладами, топтали ногами. Я сам видел в деревне Волчанка, как солдат избивал женщину так долго, пока она не потеряла сознание. Тогда он, больше не обращая на неё внимания, увёл последнюю корову, хотя здесь оставалось шестеро детей, которые были обречены на голод» (18).

Тот же Швагер в своих показаниях не скрывал факты другого страшного преступления - изнасилования. В частности, он воспроизвел рассказ ефрейтора Штейгера из той же танковой дивизии о том, как в феврале 1942 г. в одной деревне 30 км. Западнее Землянска Курской области он изнасиловал и затем задушил 13-ти летнюю девочку (19). Сам же Швагер был свидетелем другой страшной сцены в Курске: «... Я стоял на посту с 6 до 8.00. Напротив места моего дежурства жил высокопоставленный военный чиновник Бенер. В 6.15 из его квартиры вдруг послышались крики и ругань. Когда я вошёл с ружьём в его помещение, я увидел, как офицер хлестал верховой плетью девочку лет 13-14, которая полураздетая была привязана к столу» (20).

В Нарве и Кингисеппе и многих других городах немцы организовали публичные дома для офицеров вермахта. В эти дома были принудительно взяты из деревень девушки

и женщины. В случае отказа кого-либо из них остаться в публичном доме следовал расстрел (21).

Вермахт участвовал и в развертывании настоящей охоты за людьми - невольниками для германской промышленности. Устраивались облавы на вокзалах, площадях и рынках. Потсдамский историк Р.-Д. Мюллер опубликовал об этом ряд убедительных данных. Так в приказе по 29 армейскому корпусу от 24 января 1943 г. говорилось: «Провести учёт всех мужчин и женщин от 16 до 60 лет, сформировать рабочие команды... Вешать уклонившихся или саботажников» (22).

По данным Мюллера, в 1943 г. для рабского труда в Германию было вывезено около миллиона граждан СССР. Из 5 млн. русских, украинских и белорусских рабов осталась в живых в Германии к осени 1944 г. 726 тыс.» (23).

Приведенные данные свидетельствуют, что режим ограбления и кровавого террора по отношению к мирному населению захваченных сел и городов представляет собой не какие-то эксцессы отдельных недисциплинированных военных частей, отдельных германских офицеров и солдат, а определённую систему, заранее предусматривающуюся и поощряемую германским правительством. Эта система не могла не развязывать в вермахте, среди офицеров и солдат самые низменные, зверские инстинкты.

*Александр Бочковский
(3-80)*